

Володымыр КУЛЫК

Родной язык и язык общения:

на что должна ориентироваться языковая политика?

1. В начале осени 2010 г. депутаты украинской правительственной коалиции Александр Ефремов, Петр Симоненко и Сергей Гриневецкий зарегистрировали в секретариате парламента проект нового закона о языках, который — ввиду декларируемых намерений новой власти как можно скорее превратить его в закон — вызвал довольно бурную реакцию в обеспокоенных языковыми вопросами кругах. Главная цель проекта — решить проблему повышения статуса русского языка и таким образом выполнить давнее обещание Виктора Януковича и его Партии регионов. Поскольку придание русскому статусу второго государственного языка потребовало бы изменения Конституции, для чего у режима Януковича вряд ли хватит сейчас парламентских голосов, решено было сделать русский одним из «региональных языков», будто бы согласно Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств. Говорю «будто бы», так как большинство экспертов считает, что придание статуса регионального языку половины населения страны и большинства престижных практик противоречит если не букве, то духу хартии, призванной защитить от маргинализации языка, меньшее количество носителей которых не позволяет им на равных конкурировать с языком большинства.

В украинском законе 2003 г. о ратификации хартии декларируется ее применение к целым 13 языкам — без ограничения по территории и без дифференциации по степени распространения, т. е. в принципе везде, а на практике, возможно, нигде. Предлагаемый закон о языках призван эту дисфункциональность устранить, привязав возможности публичного употребления каждого регионального языка на определенной территории к количеству его носителей, т. е. к их проценту от всего населения территории. Такой подход не может вызывать возражений у людей, заинтересованных в реальном употреблении языков в обществе, однако его реализация упирается в два важных вопроса: «порогового» процента носителей языка, выше

которого этот язык получает региональный статус, и самого критерия определения носителей.

Чтобы обеспечить возможность официального использования русского языка на как можно большей территории, авторы законопроекта предлагают не только установить порог на уровне 10%, но и определять количество носителей по ответу на вопрос переписи о том, какой язык они «преимущественно употребляют». До сих пор такого вопроса в Украине не задавали: в единственной до настоящего времени переписи 2001 г. украинское государство продолжило советскую практику спрашивать граждан лишь о родном языке и других языках, которыми они владеют. Предлагаемый критерий радикально отличается от использовавшегося до сих пор и концептуально, и практически. Он не только отделяет язык от этничности (национальности), к которой привязывала его советская и постсоветская языковая политика, но и определяет связь человека с языком не по идентификации, а по речевой практике.

Политическая привлекательность такого подхода для его приверженцев очевидна: предлагаемый критерий в сочетании с низким даже по европейским меркам порогом позволит сделать русский региональным во всех частях Украины, кроме крайнего запада (если, конечно, сопротивление повышению статуса этого языка не примет характер массового отрицания факта его преимущественного употребления). Неудивительно, что противники такой переориентации языковой политики отвергают и предложенный порог, и критерий, предлагая повысить первый до 50 или хотя бы 20%, а второй заменить на национальность или хотя бы родной язык. Понятно, что выбор этих норм в будущем законе (если его все-таки решено будет принять, а не по сложившейся за годы независимости печальной традиции опять положить «под сукно», оставив страну еще на какое-то время с явно неадекватным законом 1989 г. «О языках в Украинской ССР») будет определять политическая целесообразность, а не забота о наиболее

полном и равном обеспечении языковых прав и потребностей граждан. Однако если политики готовы будут хоть в какой-то мере ориентироваться на нормативные рекомендации ученых, что мы должны им предложить?

Из двух указанных выше аспектов выбора — порога и критерия — я буду говорить лишь о втором, более фундаментальном для языковой политики. Если высота порога официального многоязычия должна определяться балансом обеспечения прав, экономии ресурсов и сохранения целостности общества и государства, то критерий определения носителей языка закладывает основание для самого признания языковых прав — как прав определенных людей употреблять определенные языки в определенных практиках. Языковая политика как согласование интересов языковых групп общества неизбежно исходит из соотнесения каждого человека — сколько бы языков он ни знал и ни употреблял в различных практиках — с одним главным для него языком, который делает его членом определенной языковой группы, чьи размеры и притязания базируются, таким образом, на постулируемом желании ее членов употреблять прежде всего этот язык (многие государства признают подобное желание как право). Я попытаюсь оценить целесообразность выбора языковой идентичности или практики в качестве критерия такого соотнесения, исходя из влияния этих факторов на отношение к языковой ситуации и языковой политике.

2. Почти полное отсутствие научных и общественных дискуссий на данную тему даже в традиционно многоязычных странах можно отчасти объяснить тем обстоятельством, что обычно языковые группы достаточно четко отделены друг от друга, поэтому идентичность большинства членов каждой из них является однозначной и соответствует их преобладающей практике. Хотя границы между группами негерметичны (а численность, следовательно, непостоянна), так как люди могут менять язык общения в течение жизни или не наследовать язык родителей, наличие в каждый момент почти у каждого человека одного главного языка практики и идентификации позволяет провести эти границы четко. Практическим методом проведения является перепись, ответы граждан на вопрос которой о родном или домашнем языке не только политики, но и ученые воспринимают как отражающие реальную языковую практику. Последние, впрочем, осознают неизбежные отклонения от практики в сторону, дик-

туемую соображениями групповой лояльности, на которую, в свою очередь, влияет общественный дискурс, — однако эти отклонения обычно представляются не столь большими, чтобы обесценивать содержащуюся в ответах информацию о практике. В конкретных случаях (будь то Беларусь или Северная Ирландия) исследователи могут указать на радикальное несоответствие декларируемого родного языка фактически употребляемому¹. Однако на концептуальном уровне определяемое результатами переписи соотношение языковых групп все еще воспринимается как показатель реального языкового разнообразия общества, что, в частности, находит отражение в сравнительных статистических исследованиях влияния этого разнообразия на политическое и экономическое развитие. Большинство ученых, по крайней мере западных, не готовы реинтерпретировать переписные декларации как языковые идентичности, концептуально несводимые к языковой практике, хоть и коррелирующие с ней.

Языковая ситуация в Украине и некоторых других странах бывшего СССР более способствует такой реинтерпретации, чем на Западе. Языковая политика советского государства характеризовалась, с одной стороны, стимулированием употребления русского как языка социальной мобильности и межнациональной интеграции, а с другой — поддержкой языков титульных групп союзных республик и автономных образований, представляемых как фундаментальные атрибуты и ценности этих групп. Первая ориентация привела к преимущественному употреблению русского языка в повседневном общении все большего количества членов нерусских этнических групп, однако вторая препятствовала трансляции изменений языковой практики в изменения языковых и этнических идентичностей. Проще говоря, очень многие украинцы, казахи или татары, перейдя на русский язык в повседневном общении, не называли этот язык родным и тем более не считали себя русскими. Впрочем, западные исследователи языковых процессов в СССР долгое время рассматривали данные о проценте членов различных этнических групп, назвавших на очередной переписи родным языком русский, как индикатор масштабов русификации, которые

¹ *Zaprudski S.* In the grip of replacive bilingualism: The Belarusian language in contact with Russian // *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. Vol. 183. P. 197–118; *McMonagle S.* Linguistic diversity in Northern Ireland: From conflict to multiculturalism? (доклад на ежегодной конференции Ассоциации для исследования национальностей, Нью-Йорк, 23–25.04.2009).

при этом оказывались весьма ограниченными¹. Однако в конце концов явное несоответствие этого индикатора наблюдаемой языковой практике побудило сначала советских, а потом и западных ученых увидеть «психологическое и самоидентификационное содержание категории «родной язык» и, следовательно, истолковать невысокий процент нерусских, признавших русский язык родным, как свидетельство не «низкого уровня языковой ассимиляции», а «высокого уровня этнической самоуверенности»².

Осознание принципиального несоответствия данных о родном языке языковой практике стимулировало поиск других, более адекватных индикаторов языковой ассимиляции этнических групп и языкового разнообразия общества. Апробация этих индикаторов стала возможна благодаря регулярному проведению с конца 1980-х гг. массовых опросов населения, существенно расширивших по сравнению с переписями круг задаваемых вопросов и увеличивших частоту получения новых ответов. В исследованиях украинской языковой ситуации особую популярность приобрела инициатива Киевского международного института социологии (КМИС), с начала 1990-х применявшего в ежегодных опросах понятие «предпочтительного» или «наиболее удобного» языка, определяемого как язык, который респондент в конце концов выбирает в общении с двуязычным и сигнализирующим готовность подстраиваться под его выбор интервьюером. Распределение населения Украины по этому критерию радикально отличается от распределения по родному языку: в отличие от декларированного на последней советской переписи 1989 г. преобладания украинского языка над русским в соотношении 64,7 на 32,8%, серия опросов 1991–1994 гг. показала существенное преимущество русского: 56,2 на 43,8%. Намного резче становится и различие между регионами Украины: в северо-западной части 77% респондентов в указанных опросах выбрали украинский язык, в то время как в юго-восточной 81,5% отдали предпочтение русскому³.

¹ См., например: *Silver B.* Language policy and the linguistic Russification of Soviet nationalities // *Soviet Nationality Policies and Practices* / Ed. by J. R. Azrael. New York, 1978. P. 250–306.

² *Karklins R.* A note on «nationality» and «native tongue» as census categories in 1979 // *Soviet Studies*. 1980. Vol. 32. No. 3. P. 421.

³ *Хмелько В.Е.* Лінгво-етнічна структура України: регіональні особливості та тенденції змін за роки незалежності (<http://www.kiis.com.ua/txt/pdf/ing-ethn.pdf>); *Arel D., Khmelko V.* The Russian factor and territorial polarization in Ukraine // *The Harriman Review*. 1996. Vol. 9. No. 1–2. P. 81.

Продемонстрированная руководителем КМИСа Валерием Хмелько и его канадским соавтором Домиником Арелем корреляция между распределением населения по предпочтительному языку в различных регионах и уровнем оказанной там поддержки кандидатам, воспринимаемым в решающем туре президентских выборов 1994 и 2004 гг. как защитники интересов носителей того или другого языка⁴, еще больше повысила популярность этого индикатора среди исследователей языковой ситуации и политики. Правда, некоторые авторы критиковали его и за неадекватное отражение языковых предпочтений граждан (указывая, что во взаимодействии с незнакомым представителем социологического института респонденты могут выбирать не предпочтительный лично для них язык, а господствующий в публичном общении в их местности), и за пренебрежение символической ролью языка, вследствие чего многие русскоязычные в повседневном общении украинцы называют родным языком украинский, а не русский⁵. Однако для большинства исследователей постсоветской Украины именно предпочтительный язык стал главным индикатором языкового распределения ее населения, обычно представляемого, по Арелю и Хмелько, в виде трех главных групп: украиноязычных украинцев, русскоязычных украинцев и русскоязычных русских (украиноязычные русские и члены остальных этнических групп составляли всего несколько процентов).

В то же время понятие «родной язык» исследователи все больше воспринимали как ненадежную и ненужную категорию. Она не только не была индикатором распределения языков в обществе, но и не оказывала существенного влияния на электоральное поведение (по крайней мере, анализ итогов нескольких выборов не обнаружил тут значимой корреляции)⁶. Более того, эту категорию многие считали концептуально размытой, указывая на возможность разного ее толкования респондентами переписей и опросов — как языка родителей, первого языка своего детства, главного языка общения в настоящее время, языка национальности

⁴ *Arel D., Khmelko V.* Op. cit. P. 81; *Arel D.* The hidden face of the Orange Revolution: Ukraine in denial towards its regional problem (<http://www.ukrainianstudies.uottawa.ca/pdf/The%20Hidden%20Face.pdf>).

⁵ *Riabchouk M.* Civil society and nation building in Ukraine // *Contemporary Ukraine: Dynamics of Post-Soviet Transformation* / Ed. by T. Kuzio. Armonk. 1998. P. 89; *Кулик В.* Український націоналізм у незалежній Україні. Київ, 1999. С. 8–9; *Fournier A.* Mapping identities: Russian resistance to linguistic Ukrainisation in Central and Eastern Ukraine // *Europe-Asia Studies*. 2002. Vol. 54. No. 3. P. 420.

⁶ *Arel D.* Op. cit.

и др., — тем более что соответствующий вопрос не содержит никаких разъяснений¹. Использование указанной выше трехчастной структуры украинского населения, базирующейся на национальности и предпочтительном языке, отражало сознательное или неосознанное представление о ненужности категории родного языка, ее неспособности существенно улучшить эту структуру. В пользу такого представления говорило также отсутствие подобной категории в опросах КМИСа и многих работах западных исследователей, в частности тех, что использовали данные этих опросов². Подобное «охлаждение» к категории «родной язык» можно заметить и в работах о языковой ситуации в других постсоветских странах: многие авторы не упоминают ее вообще, а большинство из тех, которые упоминают, просто указывают на ее несоответствие языковой практике и обращаются к другим, предположительно более адекватным³.

3. Ни одно из известных мне исследований языковых процессов в Украине или других постсоветских государствах не рассматривает одновременно родной язык и язык повседневного общения и, следовательно, не сравнивает их влияние на представления респондентов о действительной и желательной языковой ситуации и политике. Именно такое сравнение является целью настоящей статьи, так как оно позволит оценить адекватность этих категорий как детерминантов языковых предпочтений граждан, которые должна учитывать языковая политика государства. Кроме этих двух категорий, я попытаюсь оценить и влияние некоторых других этнокультурных и демографических параметров, учет которых может также уточнить наши сведения о родном языке и языке общения. Стандартным методом для определения и сравнения влияний различных параметров на представления респондентов является регрес-

сионный анализ, не очень распространенный в постсоветской социологии, но активно применяемый в западных исследованиях языкового и многих других направлений политики. Независимыми переменными в этом анализе являются те или иные языковые, демографические и социально-политические характеристики респондентов или среды их обитания, а зависимыми — ответы респондентов на вопросы об их оценках и предпочтениях. Мой анализ основан на репрезентативном опросе населения Украины, проведенном в декабре 2006 г. существовавшим тогда в Киеве центром «Громадська думка» и включавшем более ста вопросов о различных аспектах языковой ситуации и политики⁴, что дает возможность рассматривать разные типы вопросов и учитывать зависимость обнаруженного влияния независимых параметров от типа и даже формулировки вопросов, выбранных для зависимых переменных.

В отличие от переписей, предназначенных поделить население страны на взаимоисключающие группы, социологические опросы нередко дают респондентам возможность декларировать смешанные идентичности и сложные языковые репертуары. Такое расширение списка альтернатив не только позволяет опрошенным точнее оценить свои ориентации и практики, но и уменьшает (хоть и ни в коем случае не сводит к нулю) вероятность восприятия вопроса с точки зрения несовместимых групповых лояльностей и, таким образом, способствует декларированию того, что респондент считает правдивым, а не должным или полезным. Это особенно важно для таких стран, как Украина, где из-за интенсивных контактов между носителями разных языков, изменяющихся практик их употребления и несовпадения идентичности с практикой неоднозначные репертуары и идентичности весьма распространены. Когда респондентам позволяют признавать себя и украинцем, и русским по национальности или же называть родными оба этих языка, значительная часть выбирает именно эту альтерна-

¹ *Arel D., Khmelko V.* Op. cit. P. 82; Шульга Н.А. Базовые принципы и ценности европейских стандартов языковой политики // Проекты законов о языках — экспертный анализ / Науч. ред. Н.А. Шульга. Киев. 2001. С. 12–14; *Вишняк О.* Мовна ситуація та статус мов в Україні: динаміка, проблеми, перспективи (соціологічний аналіз). Київ, 2009. С. 18–20.

² См., например: *Barrington L.W.* Examining rival theories of demographic influences on political support: The power of regional, ethnic, and linguistic divisions in Ukraine // *European Journal of Political Research*. 2002. Vol. 41. No. 4. P. 455–491; *Søvik M. B.* Support, resistance and pragmatism: An examination of motivation in language policy in Kharkiv, Ukraine. Stockholm, 2007.

³ См., например: *Zaprudski S.* Op. cit.; *Cashaback D.* Assessing asymmetrical federal design in the Russian federation: A case Study of language policy in Tatarstan // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 2. P. 249–275.

⁴ Опрос был проведен в рамках международного проекта по языковой политике в Украине, осуществленного в 2006–2008 гг. при финансовой поддержке Международной ассоциации содействия сотрудничеству с учеными из новых независимых государств бывшего Советского Союза (INTAS). Выражаю благодарность ассоциации за поддержку проекта и разрешение использовать его материалы в дальнейшей работе участников. Главные результаты проекта опубликованы в кн.: *Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації* / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. Київ, 2008. Агрегатные данные опроса помещены на с. 340–363. Англоязычный вариант см.: *Language Policy and Language Situation in Ukraine: Analysis and Recommendations* / Ed. by J. Besters-Dilger. Frankfurt am Main, 2009 (данные опроса на с. 367–396).

тиву, особенно на востоке страны, где очень высок процент смешанных браков и многие этнические украинцы говорят преимущественно по-русски¹. В то же время формированию смешанных *этнических* идентичностей препятствует господствующее восприятие этнических категорий как взаимоисключающих, сформированное советской практикой государственного фиксирования национальности и, несмотря на ее прекращение в постсоветской Украине, поддерживаемое публичным дискурсом на темы этничности. Поэтому смешанные этнические идентичности менее вероятны, чем языковые, что подтвердил анализируемый опрос: одновременно украинцами и русскими объявили себя 0,7% респондентов, а назвали родными оба языка 11,1%.

Как указано выше, главным способом измерения влияния лингводемографических параметров на политические предпочтения респондентов является регрессионный анализ, представляющий силу каждого влияния в виде соответствующего коэффициента в формуле зависимости предпочтений от набора параметров. Чтобы результаты были более понятными читателям, незнакомым с тонкостями статистики, я решил ограничиться линейным вариантом анализа (по методу наименьших квадратов), хотя, как считают статистики, дискретный характер зависимых переменных может при таком анализе привести к некоторому искажению коэффициентов регрессии². Наибольшие искажения возникают для бинарных зависимых переменных, поэтому я выбирал вопросы, где у респондентов было не менее трех значимых для моего исследования вариантов ответа.

Поскольку меня интересует сила влияния определенных *переменных* (прежде всего, соотношение влияния родного языка и языка повседневного общения), а не определенных *значений* переменных (например, употребление в повседневном общении украинского или обоих языков), я не создаю бинарных независимых переменных, связанных с такими значениями, как это делают многие авторы, прибегающие к регрессионному анализу. Вместо этого я попытался упорядочить значения каждой независимой переменной согласно ее предполагаемому влиянию на зависимые (например, от употребления в повседневном общении только

украинского языка через сочетание двух языков до употребления только русского). Для этого мне пришлось исключить из анализа тех респондентов, которые указали идентичности или практики, связанные с другими языками, так как их нельзя расположить между альтернативами, соответствующими украинскому и русскому. Это исключение, впрочем, вряд ли привело к существенному искажению результатов, поскольку доля таких респондентов ни по одному параметру не превышала 2%, что в большинстве случаев было намного меньше доли тех (также исключенных) затруднившихся ответить на вопросы, ответы на которые являются зависимыми переменными. Чтобы обеспечить соизмеримость альтернативных факторов влияния, я свел шкалы измерения всех независимых переменных к трем делениям (соответствующим шкале *украинский – оба – русский*), перекодировав ответы на те вопросы, где число ответов было большим. Исключениями являются пол (где промежуточного значения нет) и национальность (где очень малое количество респондентов, выбравших промежуточный ответ, могло бы в случае сохранения этого ответа привести к значительным искажениям).

Для каждого выбранного вопроса, я провожу анализ в несколько этапов с различными наборами независимых переменных, предназначенными для изучения определенного соотношения между этими переменными и предпочтениями, на которые они влияют. На первом этапе анализ ограничивается индивидуальными характеристиками респондентов, традиционно рассматриваемыми как наиболее вероятные детерминанты предпочтений относительно языковой ситуации и политики: (главным) языком повседневного общения и национальностью. На втором этапе я добавляю к этому набору родной язык, чтобы проверить, оказывает ли эта категория независимое влияние на предпочтения, несводимые к этнической идентичности и языковой практике.

На следующем этапе я добавляю три переменные, относящиеся к социальному и языковому окружению, в котором респонденты живут и которое, вероятно, влияет на их взгляды и предпочтения. Две из них были измерены интервьюерами. Категория «тип поселения» измеряет влияние городской или сельской среды, определяющей преобладающие социальные и языковые практики: как известно, русский язык намного более распространен в больших городах, чем в маленьких, и тем более в селах. Переменная «регион» призвана выяснить,

¹ Pirie P. National identity and politics in Southern and Eastern Ukraine // Europe-Asia Studies. 1996. Vol. 48. No. 7. P. 1087.

² В другой, пока не опубликованной работе я для большей точности провел нелинейный анализ, но коэффициенты не сильно отличались от линейных.

оказывает ли своеобразная региональная культура, сформированная географическим положением и историческим опытом, независимое влияние на предпочтения жителей региона, несводимое к их этническому и языковому профилю. На протяжении последнего десятилетия в западной литературе об Украине ведется довольно активная дискуссия о значимости языка, национальности и региона, однако ее участники изучали влияние этих факторов на предпочтения относительно демократии, внешней политики и других аспектов, но не политики в языковой сфере. Различные мнения высказывались и по поводу самого деления Украины на регионы, которых разные авторы предлагали четыре, пять или даже девять¹. Выделяя лишь три — Запад, Центр и Восток вместе с Югом, — я игнорирую существенные различия внутри этих макрорегионов, но зато обеспечиваю унификацию шкалы для всех независимых переменных. Третья контекстуальная характеристика — главный язык населенного пункта, где живет респондент, — зарегистрирована согласно его собственной оценке. Включая эту переменную, я стремлюсь выяснить, влияет ли, кроме региона, конкретный населенный пункт и влияет ли, кроме его типа и размера, преобладающая там языковая среда. Кроме того, я пытаюсь связать предпочтения респондентов с их окружением, которым они могут оправдывать свои практики и взгляды. Для этой переменной я также исключаю респондентов, охарактеризовавших преимущественный язык своих населенных пунктов как суржик (обычно понимаемый как смесь украинского и русского языков), поскольку их невозможно расположить на шкале между преобладанием одного языка и преобладанием другого. Здесь искажение может быть больше, чем при других исключениях, так как эту характеристику выбрали довольно много респондентов (9,7%).

На последнем, четвертом этапе я дополняю набор переменной, относящейся к политической ориентации респондентов, которая может оказывать сильное независимое влияние на их предпочтения. Поскольку к политическим партиям принадлежит только незначительная часть украинских граждан, а меняющийся партийный ландшафт препятствует устойчивой идентификации избирателей с конкретными политическими силами, опрос оценивал политическую ориентацию по декларируемой респондентами поддержке определенных «идейно-политических направлений». Учитыва-

вая позиции партий, обычно воспринимаемых как представители этих направлений, я разделил их опять-таки на три группы: украинских националистов, приверженцев интеграции Украины с Россией и между ними всех остальных. К сожалению, почти треть респондентов не выбрали определенного направления, следствием чего является радикальное уменьшение выборки на этом этапе анализа, а значит меньшая надежность результатов. На этом же этапе я добавляю стандартные демографические характеристики: пол, возраст, образование и (субъективно оцениваемое) благосостояние. Хотя эти характеристики вряд ли сами сильно влияют на предпочтения относительно языковой политики, они могут модифицировать силу влияния других, предположительно более существенных факторов.

4. Вопросы, выбранные для анализа в этой статье, относятся к четырем различным направлениям языковой ситуации и политики. Для каждого направления я анализировал два вопроса, чтобы иметь возможность сравнивать предпочтения респондентов не только для разных направлений, но и для разных аспектов в одном направлении. В частности, сопоставление ответов на идентичные вопросы относительно функционирования украинского и русского языков дает возможность оценить отношение к обоим языкам, а сопоставление ответов относительно разных направлений функционирования одного языка позволяет сделать выводы о желательной для респондентов роли каждого языка в обществе. Но главное предпочтение такого широкого охвата в том, что он поможет сравнить влияние различных языковых, социальных и демографических параметров на предпочтения респондентов относительно комплекса практик, подлежащих регулированию государственной языковой политикой, и таким образом укажет те параметры и соответствующие им общественные группы, на которые эта политика должна в первую очередь обращать внимание.

Первая пара вопросов касается предпочтений респондентов относительно языка общения и обучения их детей (или будущих детей): три предоставленные альтернативы включали преимущественное использование украинского и русского языков и употребление их обоих «в равной мере». Своей поддержкой межпоколенческого сохранения или, наоборот, изменения языковых практик респонденты демонстрировали идентификацию или с язы-

¹ См., например: *Arel D. Op. cit.; Barrington L. W. Op. cit.*

ком, который употребляют сами, или же с тем, который им близок по этнокультурным или каким-то другим соображениям. Следующая пара связана с представлениями относительно желательного объема употребления украинского и русского языков в обществе, измеряемыми на трехмерной шкале *в большем объеме, чем теперь – в таком же – в меньшем*. Еще два вопроса имели целью выяснить уровень поддержки «позиции тех общественных и политических деятелей, которые обеспокоены судьбой украинского/русского языка», когда респондентам предлагалось выбрать между *да; скорее да, чем нет; скорее нет, чем да; нет*. Можно предположить, что в вопросах второй и третьей пары взгляды респондентов отражали и отношение к определенному языку, и оценку его надлежащего места в украинском обществе, которое для украинского чаще оказывается более видным из-за его роли государственного и, что не менее важно, национального языка. Иначе говоря, даже респонденты, говорящие и желающие продолжать говорить по-русски, могут в той или иной мере поддерживать расширение употребления украинского в обществе, а также любую деятельность, способствующую такому расширению. Однако если вопросы об объеме употребления в первую очередь касаются надлежащей политики государства, то поддержка озабоченных судьбой языка деятелей может означать неудовлетворенность этой политикой, не обеспечивающей, по мнению респондентов, желательную судьбу близкого им языка.

Последняя пара вопросов относится к языковой ситуации в целом и таким образом побуждает респондентов ранжировать свое отношение к двум языкам. Один вопрос касается желательных статусов украинского и русского языков на шестиступенчатой шкале от полного исключения русского «из всех сфер жизни» через сохранение его нынешнего статуса как

одного из языков меньшинств, параллельное употребление его «лишь как разговорного» языка, предоставление ему статуса официально в тех регионах, где большинство населения этого хочет, – до предоставления обоим языкам статуса государственных и, наконец, полного исключения украинского. Вторым вопросом относится к желательной языковой ситуации «в перспективе»: респонденты должны были выбрать между преобладанием одного из языков «во всех сферах общения» и двуязычием страны. Кроме периода времени, о котором идет речь, эти два вопроса отличаются неявным фокусом на ситуации в обществе или же на влиянии со стороны государства.

Прежде чем представлять результаты регрессий, приведу частоты выбора различных альтернатив для всей выборки и для отдельных языковых групп, выделенных по родному языку (представление данных еще и для групп по повседневному языку сделало бы таблицу слишком громоздкой). В табл. 1 показаны результаты для тех пяти вопросов, где респондентам было предложено три основные альтернативы, а в табл. 2 – для остальных трех, где вариантов ответа было четыре или больше (для табличной презентабельности количество ответов на последний вопрос было также сведено к четырем путем объединения некоторых альтернатив). Подробное комментирование этих результатов не входит в задачи данной статьи. Отмечу лишь, что они демонстрируют, с одной стороны, резкое различие предпочтений двух языковых групп. С другой стороны, можно заметить амбивалентность предпочтений в каждой группе, наиболее очевидную при сопоставлении ответов относительно объема употребления двух языков: расширения употребления украинского хотят намного больше людей, чем сужения употребления русского, и наоборот. Эти две особенности общественного мнения по языко-

Таблица 1

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ С ТРЕМЯ ВАРИАНТАМИ ОТВЕТОВ (в % от числа опрошенных)

	Все респонденты			Родной язык украинский			Родной язык русский		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Желательный язык общения детей (<i>укр. – оба – рус.</i>)	31,9	42,5	22,5	54,3	36,2	6,7	3,1	46,8	47,5
Желательный язык обучения детей (<i>укр. – оба – рус.</i>)	35,1	36,0	24,9	59,2	27,7	8,9	3,6	43,8	49,7
Желательный объем употребления украинского языка (<i>больше – столько же – меньше</i>)	39,7	38,9	16,2	62,5	29,3	6,1	14,6	50,4	29,5
Желательный объем употребления русского языка (<i>больше – столько же – меньше</i>)	25,3	42,2	27,3	11,3	37,5	44,6	39,8	50,4	6,7
Желательная языковая ситуация в перспективе (<i>укр. – оба – рус.</i>)	38,7	46,2	6,3	67,1	20,8	2,5	6,4	81,2	7,0

вому вопросу влияют на возможности проведения языковой политики, усложняя компромисс между резко отличными позициями и в то же время давая свободу маневра в удовлетворении неоднозначных и взаимно перекрывающихся предпочтений¹. Однако несколько большая поддержка украинского языка, чем русского, по всему массиву респондентов свидетельствует о соответствии общего вектора государственной политики общественному мнению.

Таблица 2

ОТВЕТЫ РЕСПОНДЕНТОВ НА ВОПРОСЫ С ЧЕТЫРЬМЯ И БОЛЕЕ ВАРИАНТАМИ ОТВЕТОВ (в % от числа опрошенных)

	Все респонденты				Родной язык украинский				Родной язык русский			
	1	2	3	4	1	2	3	4	1	2	3	4
Поддержка деятелей, озабоченных украинским языком (<i>да – скорее да – скорее нет – нет</i>)	38,8	20,0	15,4	17,9	53,0	22,8	8,1	10,4	21,7	15,6	24,1	30,7
Поддержка деятелей, озабоченных русским языком (<i>да – скорее да – скорее нет – нет</i>)	25,4	22,8	20,3	21,6	10,8	18,1	28,4	30,4	47,8	26,4	9,1	11,0
Желательный статус языков (русский: <i>включен – язык меньшинства / разговорный – местный официальный – второй государственный / единственный государственный</i>)	11,0	42,0	17,9	26,4	18,3	55,9	14,0	8,7	0,9	23,9	21,6	51,8

5. Перейдем к регрессиям. Поскольку представление всех этапов для всех вопросов потребовало бы слишком много табличного пространства, я сначала проиллюстрирую динамику изменения коэффициентов от этапа к этапу для двух произвольно выбранных вопросов, а потом представлю для всех вопросов коэффициенты с последнего этапа, которые можно считать окончательными. Итак, в табл. 3 приведены коэффициенты регрессии для первого вопроса табл. 1 и последнего вопроса табл. 2.

Как видно из таблицы, демографические переменные не оказывают значимого влияния на распределение ответов и, соответственно, не меняют соотношения сил значимых переменных. В то же время на каждом этапе хотя бы одна новая переменная оказывается очень значимой, и ее прибавление приводит к перераспределению влияния остальных. Хотя соотношение влияния переменных зависит от характера вопроса и особенностей его восприятия в современной Украине, некоторые тенденции характерны для обеих половин таблицы. На первом этапе обе переменные значимы, но

коэффициенты для повседневного языка намного больше, чем для национальности, т. е. именно он в первую очередь определяет связанные с языковой сферой предпочтения, что подтверждает неадекватность этничности как критерия этих предпочтений, на котором до сих пор строилась языковая политика Украины. Однако когда к набору переменных добавляется родной язык, он оказывается сравнимым по силе влияния с повседневным языком и намно-

го более существенным, чем национальность, коэффициенты для которой при этом становятся просто незначимыми. Это означает, что языковая идентичность существенно дополняет языковую практику в определении предпочтений относительно различных аспектов языковой политики и что эту идентичность нельзя заменять этнической, которая кажется значимым детерминантом предпочтений только в отсутствие языковой.

Третий этап анализа подкрепляет этот вывод, существенно уменьшая коэффициенты для повседневного языка (намного больше, чем для родного), кажущийся вклад которого оказывается содержащим в себе значительное влияние региона и языка местности. Учет политической ориентации еще больше усиливает эту тенденцию, выводя родной язык на первое место по силе влияния на предпочтения респондентов по обоим вопросам, в то время как повседневный язык оказывается в одном случае на втором месте, а в другом – даже на четвертом. Это убедительно демонстрирует, что языковая идентичность является главным детерминантом связанных с языковой сферой предпочтений и что именно она должна быть главным критерием в определении языковых групп, а значит и в проведении языковой политики, призванной удовлетворять и согласовывать их интересы.

¹ Подробнее см.: Кулик В. Мовна політика та суспільні настанови щодо неї після Помаранчевої революції // Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. Київ, 2008. С. 45–53 (см. также, прим. 4 на с. 76, тот же раздел в англоязычном варианте книги).

Таблица 3

КОЭФФИЦИЕНТЫ РЕГРЕССИИ И СТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕШНОСТИ (В СКОБКАХ) ДЛЯ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ О ЖЕЛАТЕЛЬНОМ ЯЗЫКЕ ОБУЧЕНИЯ ИХ ДЕТЕЙ И ЖЕЛАТЕЛЬНОМ СТАТУСЕ ЯЗЫКОВ В УКРАИНЕ

	Желательный язык общения детей				Желательный статус языков			
	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4	Этап 1	Этап 2	Этап 3	Этап 4
Национальность	.125*** (.019)	.011 (.021)	.008 (.021)	-.005 (.024)	.190*** (.040)	-.057 (.044)	-.057 (.044)	-.085 (.051)
Повседневный язык	.468*** (.017)	.343*** (.020)	.222*** (.026)	.187*** (.031)	.692*** (.037)	.412*** (.043)	.208*** (.055)	.156* (.066)
Родной язык		.249*** (.022)	.198*** (.024)	.221*** (.028)		.551*** (.047)	.472*** (.051)	.443*** (.061)
Язык населенно-го пункта			.088** (.027)	.122*** (.032)			.272*** (.057)	.265*** (.067)
Регион			.171*** (.026)	.098** (.030)			.238*** (.054)	.144* (.065)
Тип поселения			-.009 (.017)	-.010 (.021)			.112** (.036)	.079 (.045)
Политическая ориентация				.114*** (.025)				.365*** (.054)
Пол				-.032 (.031)				.046 (.067)
Возраст				.023 (.020)				.057 (.044)
Образование				.006 (.020)				-.069 (.042)
Благосостояние				-.029 (.024)				.045 (.052)
Константа	.762*** (.035)	.735*** (.034)	.520*** (.065)	.489*** (.121)	1.533*** (.074)	1.474*** (.072)	.710*** (.137)	.332 (.258)
R ² (скоррект.)	.405	.445	.482	.510	.248	.301	.355	.388

Примечание: * p<.05; ** p<.01; *** p<.001.

Наряду с общностью главных тенденций между двумя половинами табл. 3 можно заметить и некоторые различия, но я предпочитаю рассматривать их вместе с различиями между всеми восемью вопросами, коэффициенты для последнего этапа анализа которых приведены в табл. 4. Впрочем, сначала опять подчеркну общее. Для всех вопросов, кроме двух, влияние родного языка оказалось сильнее влияния повседневного языка; более того, в семи случаях из восьми родной язык оказывается на первом или втором месте среди всех независимых переменных по силе влияния на зависимые. Ни одна другая переменная не оказывает такого сильного влияния по всему спектру аспектов языковой ситуации и политики. Этот результат подтверждает выявленную проведенным выше анализом двух аспектов репутацию родного языка как главного детерминанта предпочтений граждан в языковой сфере и, следовательно, главного критерия выделения языковых групп, которые определяет общность этих предпочтений. В то

же время повседневный язык тоже является значимым, как это видно из ответов на все вопросы, и более влиятельным, чем национальность, хоть в большинстве случаев он уступает по влиянию не только родному языку, но и языку населенного пункта, региону и/или политической ориентации.

Стабильную значимость и довольно сильное влияние демонстрирует и политическая ориентация, что указывает на политическую актуальность языкового вопроса в Украине, где он является одним из важных факторов позиционирования партий и блоков. В большинстве случаев довольно высоки также коэффициенты для языка населенного пункта и региона, что демонстрирует важную роль языкового окружения и региональной политической культуры как детерминантов связанных с языковой политикой предпочтений граждан. Напротив, тип поселения почти не оказывает непосредственного влияния на предпочтения: его влияние опосредовано языковым окружением,

Таблица 4

КОЭФФИЦИЕНТЫ РЕГРЕССИИ И СТАНДАРТНЫЕ ПОГРЕШНОСТИ (в скобках) ДЛЯ ОТВЕТОВ РЕСПОНДЕНТОВ О РАЗЛИЧНЫХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ И ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

	Общение детей	Обучение детей	Объем употр. укр. яз.	Объем употр. рус. яз.	Поддержка озабочен. укр. яз.	Поддержка озабочен. рус. яз.	Статусы языков	Языковая ситуация в персп.
	1	2	3	4	5	6	7	8
Национальность	-.005 (.024)	-.019 (.025)	-.003 (.027)	.039 (.029)	-.205*** (.047)	-.172*** (.041)	-.085 (.051)	.026 (.019)
Повседневный язык	.187*** (.031)	.242*** (.032)	.110** (.034)	-.136*** (.037)	.205** (.060)	-.182** (.053)	.156* (.066)	.138*** (.025)
Родной язык	.221*** (.028)	.227*** (.030)	.171*** (.031)	-.200*** (.034)	.287*** (.056)	-.088 (.049)	.443*** (.061)	.148*** (.023)
Язык населенно-го пункта	.122*** (.032)	.155*** (.033)	.205*** (.035)	.023 (.038)	.091 (.062)	-.166** (.054)	.265*** (.067)	.055* (.026)
Регион	.098** (.030)	.079* (.031)	.021 (.033)	-.178*** (.036)	.038 (.060)	-.295*** (.053)	.144* (.065)	.085*** (.024)
Тип поселения	-.010 (.021)	.024 (.022)	.079** (.023)	-.014 (.025)	.037 (.041)	-.048 (.036)	.079 (.045)	-.011 (.017)
Политическая ориентация	.114*** (.025)	.095*** (.026)	.170*** (.028)	-.116*** (.030)	.304*** (.050)	-.185*** (.043)	.365*** (.054)	.097*** (.020)
Пол	-.032 (.031)	-.032 (.032)	-.021 (.034)	.019 (.030)	.062 (.061)	.050 (.054)	.046 (.067)	-.001 (.025)
Возраст	.023 (.020)	.049* (.021)	.053* (.022)	-.025 (.025)	.096* (.040)	.019 (.035)	.057 (.044)	.006 (.016)
Образование	.006 (.020)	.013 (.020)	-.038 (.021)	.002 (.023)	.031 (.038)	.032 (.033)	-.069 (.042)	-.002 (.015)
Благосостояние	-.029 (.024)	-.016 (.025)	-.005 (.027)	.038 (.030)	-.056 (.048)	.035 (.042)	.045 (.052)	-.055** (.019)
Константа	.489*** (.121)	.233 (.125)	.220 (.133)	3.232*** (.145)	.200 (.237)	4.462*** (.208)	.332 (.258)	.610*** (.097)
R ² (скоррект.)	.510	.526	.386	.296	.228	.394	.388	.479

Примечание: * p<.05; ** p<.01; *** p<.001.

которое побуждает городских респондентов больше поддерживать употребление русского в их семьях и обществе в целом, чем сельских. Впрочем, непосредственное влияние (большого) города как *социальной* среды противоположно, но только в одном случае оно оказывается значимым. Национальность также к последнему этапу анализа почти теряет значимость, что подтверждает неадекватность использования этнической идентичности вместо языковой как детерминанту предпочтений, связанных с языковой сферой. Исключениями являются пятый и шестой вопросы, где влияние национальности не только существенно, но и в одном случае даже противоположно влиянию остальных значащих переменных, к чему я вернусь в конце этого параграфа. Не поднимаются выше порога значимости и демографические переменные, хотя в нескольких случаях более молодые и состоятельные респонденты оказались более

сильными сторонниками употребления украинского языка¹.

Переходя к различиям между вопросами, отмечу прежде всего сравнительно высокие коэффициенты для повседневного языка в вопросах об общении и обучении детей, что можно объяснить стремлением большинства респондентов передать детям тот язык, на котором они чаще всего говорят сами. Столь же высоки, однако, и коэффициенты для родного языка: в той степени, в которой респонденты все-таки готовы допускать или поощрять межпоколенческое изменение языковой практики,

¹ Скорее всего, эти группы поддерживают украинский именно как язык государства, независимость которого он поможет сохранить, так как в собственной практике они, наоборот, употребляют русский больше, чем остальные респонденты. Подробнее о влиянии возраста и других демографических факторов см.: *Kulyk V. Demographic factors of language practices and attitudes in Ukraine // Harvard Ukrainian Studies (forthcoming).*

они руководствуются представлением об украинском языке как родном. В то же время для вопросов о желательной языковой ситуации и политике превосходство родного языка над повседневным намного больше, чем для вопросов о желательных практиках собственных детей. Это означает, что украинские граждане гораздо больше поддерживают усилия государства по активизации употребления украинского языка, чем готовы содействовать такой активизации собственными усилиями. Политическая ориентация, что неудивительно, играет меньшую роль при выборе языка общения и обучения детей, чем при формировании позиции относительно языкового вопроса в обществе.

Из двух существенных контекстуальных переменных язык населенного пункта оказывает более сильное влияние на выбор языка для детей и отношение к употреблению украинского языка в обществе, тогда как регион более важен в определении позиции в вопросах об употреблении и защите русского языка, неоднократно использованных для мобилизации населения в восточных и южных регионах, особенно в год проведения данного опроса¹. Однако в вопросе о статусах языков регион оказался намного менее влиятельным, чем язык населенного пункта, что вызывает удивление: именно повышение статуса русского языка занимало центральное место в региональной мобилизации по языковому вопросу. Можно предположить, что люди воспринимают проблему статусов через призму местных языковых практик и поэтому сильнее поддерживают повышение статуса русского там, где он преобладает в повседневном общении (т. е. даже в восточных и южных регионах прежде всего в городах, а не в селах). Как бы то ни было, коэффициенты для этих двух переменных показывают: в анализе связанных с языковой сферой предпочтений нужно наряду с региональной политической культурой учитывать местное языковое окружение, так же как наряду с языком повседневного общения — язык, с которым человек себя идентифицирует.

Более удивительным кажется мне коэффициент для национальности в вопросе о поддержке деятелей, озабоченных судьбой украинского языка: знак этого коэффициента оказался противоположным знакам для остальных значимых переменных, в том числе для родного и повседневного языков. Иначе говоря, при равенстве остальных индивидуальных и контекстуальных

параметров люди, называющие себя украинцами, менее склонны поддерживать тех, кто заботится об украинском языке, чем респонденты, считающие себя русскими. Так же трудно объяснить, почему именно в вопросе о поддержке деятелей, заботящихся о русском языке, родной язык оказался несущественным, тогда как на определение позиции относительно объема употребления русского языка эта переменная влияет сильнее всего. Интерпретация (и верификация) этих результатов требует дальнейших исследований.

6. Проведенный анализ показал, что языковая идентичность является более — по меньшей мере, не менее — влиятельным детерминантом связанных с языковой сферой предпочтений украинских граждан, чем языковая практика. Следовательно, оба эти аспекта языкового профиля личности нужно учитывать в определении языковых групп как совокупностей людей со сходными взглядами на языковую сферу, влияющими на их восприятие языковой политики, а значит и в формировании самой этой политики, призванной удовлетворять и согласовывать интересы различных групп. Для аналитических целей можно сочетать оба критерия и в каждом из них учитывать не только однозначные, но и смешанные варианты выбора, что приведет к более тонкому и точному делению общества на группы. В политике же, где нужен один четкий критерий, им должен стать тот, который оказывает наибольшее влияние на взгляды и предпочтения граждан, т. е. в случае Украины — декларируемый на переписи родной язык. В современной Украине этот критерий к тому же является компромиссным между национальностью и повседневным языком, предпочитаемыми соответственно приверженцами расширения употребления украинского языка и сохранения унаследованных от советских времен позиций русского².

Насколько применим этот результат к другим случаям? Очевидно, что значительное различие между языковыми практиками и этнокультурными идентичностями имеет место во многих странах разных частей света. Прежде всего оно характерно для тех государств или автономных образований, где массовая мигра-

¹ См.: Кулик В. Мовна політика; Wolczuk K. Whose Ukraine? Language and Regional Factors in the 2004 and 2006 Elections in Ukraine // European Yearbook of Minority Issues. 2007. Vol. 5. P. 521–547.

² См. рекомендации по результатам международного проекта о языковой политике в Украине (см. примечание 11): Рекомендації щодо майбутньої мовної політики в Україні // Мовна політика та мовна ситуація в Україні: аналіз і рекомендації / За ред. Ю. Бестерс-Дільгер. Київ, 2008. С. 332–339, особливо с. 334 (тот же раздел в англоязычном варианте книги; см. прим. 4 на с. 76).

ция приводит к быстрому изменению языковых репертуаров значительной части населения, а также для тех, где влиятельные дискурсы способствуют идентификации членов «автохтонного» большинства с почти или совсем не употребляемыми языками предков. Можно предположить, что у этнических турок в Германии или выходцев из латиноамериканских стран в США, с одной стороны, и у членов одноименных этнических групп в Ирландии или Стране Басков, с другой, языковая идентичность более или менее существенно отличается от языковой практики. Проблема в том, что учет вариации индивидуальных идентичностей как элемента языкового разнообразия общества требует довольно устойчивого выбора каждого его члена между различными языками, к которым он может быть в той или иной степени привязан, для чего, в свою очередь, нужна институционализируемая практика, а именно регистрация языковой идентичности в документах или ее декларирование на переписи. Этот институционализованный выбор

можно тогда считать отражением предпочтений гражданина, которое государство должно принимать во внимание.

Конкретные исследования для различных стран должны выяснить, есть ли там общепринятая категория, которую можно интерпретировать как языковую идентичность. Однако для тех стран, где переписи включают вопросы о родном языке (особенно если респондентам не указывают, что его следует понимать в определенном коммуникативном смысле), это понятие, полагаю, можно интерпретировать так же, как я интерпретировал в случае Украины. Прежде всего это относится к другим странам бывшего СССР, где родной язык использовался в советское время и во многих случаях используется в постсоветское время приблизительно так же, как в Украине. Поэтому мои результаты легче всего проверить на материале этих стран, что позволит также оценить сравнительное влияние общих практик и своеобразных процессов в постсоветских обществах.